

Т.В. Алферова

Оценка сбалансированности развития регионов на основе Целей устойчивого развития

УДК 332.14

Аннотация. Исследование посвящено апробации методики оценки сбалансированности развития регионов на основе Целей устойчивого развития. Полученные для регионов Уральского и Приволжского федеральных округов индексы ЦУР показали практически повсеместно низкий уровень достижения целевых значений. Кроме того, обнаружено преобладание развития экономической сферы над социальной и экологической. Это говорит о том, что в данных регионах наибольшее внимание уделяется экономическому росту, что не соответствует принципам биосфероцентрической парадигмы. Низкое значение индекса по ЦУР 17 свидетельствует о недостаточном внимании к институтам управления, что и приводит к сложившейся ситуации.

Ключевые слова: устойчивое развитие; Цели устойчивого развития; ЦУР; регион; биосфера; сбалансированность; Уральский федеральный округ; Приволжский федеральный округ

Одна из ключевых идей Доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» заключается в том, что «человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер с тем, чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности»¹, и что в настоящее время «мы заимствуем “экологический капитал” у будущих поколений, отнюдь не намереваясь и не имея возможности вернуть долг»². В экономической науке данный аспект рассматривается с точки зрения трех основных теоретико-методологических парадигм: антропоцентрической, биосфероцентрической и ноосферной [Осипова, 2014; Dotsenko et al., 2021].

В основе *антропоцентрической*, или утилитарной парадигмы лежит философия потребления как основная ценностная ориентация общества. Сегодня она считается устаревшей, поскольку

---

¹ Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. ООН, 04 августа 1987 г. 412 с. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 18.10.2022). С. 20.

² Там же п. 24. С. 24.

стремление человечества удовлетворять свои все возрастающие потребности способствует не развитию, а скорее физическому росту экономики без учета возможностей природной среды, что вызывает не только экологические, но и социально-экономические проблемы, в частности голод, нищету, болезни и пр. Игнорирование интересов будущих поколений в рамках данной парадигмы приводит к сокращению биоразнообразия, загрязнению экосистем морей и суши, исчерпанию невозобновляемых ресурсов.

Обеспечить потомкам возможность удовлетворять их потребности должны достижения научно-технического прогресса. Следовательно, нынешние поколения должны оставить после себя достаточный научно-технический потенциал. Однако новые технологии, открывая потенциальные возможности для замедления темпов исчерпания ограниченных ресурсов, представляют опасность появления как новых форм загрязнения, так и форм жизни, способных изменять направления эволюции. Это значит, что научно-технический прогресс не отменяет необходимости поставить под контроль уровень нынешнего потребления.

В рамках *биосфероцентрической*, или биосферной парадигмы влияние на окружающую среду должно оставаться в пределах несущей емкости биосферы, при этом природная основа для воспроизводства жизни человечества не должна быть разрушена. Биосфера здесь рассматривается как внешний фактор, но не просто в качестве источника ресурсов, а как фундамент жизни. Таким образом, в рамках данной парадигмы нынешние поколения должны оставить потомкам генетическое и видовое разнообразие биосферы, позволяющее ей адаптироваться к быстро растущим темпам и масштабам социально-экологических изменений [Folke et al., 2016]. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера постепенно перейдет в новое состояние – *ноосферу*, где должно измениться ценностное сознание общества и сама человеческая цивилизация как естественный процесс или закон природы [Dotsenko et al., 2021].

Центральные идеи устойчивого развития, такие как справедливость внутри и между поколениями и ограничение физического роста экономики пределами экосистемы, коррелируют с идеями био- и ноосферной парадигм экологической экономики, в которой экономика рассматривается как неотъемлемая часть

экосистемы Земли (точнее, ее исторически меняющегося социального восприятия). Помимо этого, она интегрирована в структуру прав собственности на ресурсы и услуги окружающей среды, в социальное распределение власти, доходов, в социальные структуры и т.д. [Munda et al., 1994; Martinez-Alier et al., 1998; Bergh, 2000; Martinez-Alier, 2013]. Взгляд на природные ресурсы через призму экологической экономики обусловил появление понятия «природный капитал», подчеркивающего активную роль природы в экономике. Её прямой или косвенный вклад в благосостояние человека называют «экосистемными услугами» [Costanza, Daly, 1992]. Как отмечает Т.В. Тихонова, «оценка значимости экосистемных услуг в настоящее время становится важной величиной для показателя уровня экономики», поскольку «с экономической точки зрения разрушение экосистем и их функций следует рассматривать как потерю основных ресурсных активов» [Тихонова, 2019. С. 27].

Следует отметить, что в рамках экологической экономики рассматриваются такие важные аспекты устойчивого развития, как стабильность и устойчивость экосистем. При этом встречается два альтернативных прочтения: одно направлено на время, необходимое для восстановления нарушенной системы и возвращение ее в исходное состояние, другое – на интенсивность нарушения, которое система может поглотить, прежде чем перейти в другое состояние [Bergh, 2000].

Различие в подходах к достижению устойчивого развития обусловило разное восприятие слабой и сильной устойчивости [Черданцев, Робинсон, 2009; Шкиперова, Курило, 2021]. Апологеты слабой устойчивости считают, что технологии могут возместить утрату природного капитала. При этом уменьшение запасов природных ресурсов и рост относительных цен на них будут стимулировать изобретателей и инвесторов. Приверженцы сильной устойчивости считают, что накопление физического и/или других видов капитала не способно компенсировать ущерб, уже нанесенный планете в виде истощения озонового слоя, потепления климата, потери биоразнообразия и др.³, поэтому общество должно стремиться к поддержанию природных услуг,

---

³ Доклад ООН «От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии», Нью Йорк и Женева, 2012. 156с. [С. 6]

которые не могут быть воспроизведены. Границы роста экономики для сильной устойчивости определяются таким образом, чтобы максимальный ее рост не ухудшал экологические показатели, а минимальный не снижал социальные достижения. Для слабой устойчивости при максимальном росте экономики не должно ухудшаться отношение экологических показателей к экономическим, а при минимальном – отношение социальных показателей к экономическим [Шкиперова, Курило, 2021].

В докладе Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее» говорится, что «концепция устойчивого развития действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности»⁴, что соответствует контексту биосферной парадигмы и сильной устойчивости. По мнению Й. Рокстрема и П. Сухдева, «устойчивое развитие, хотя по-прежнему включает в себя три столпа: социального, экологического и экономического развития, изменило облик. Человечество стало глобальной силой перемен на планете, а это означает, что развитие теперь должно происходить в пределах безопасного рабочего пространства планеты» [Rockström, Sukhdev, 2014].

Таким образом, основные детерминанты устойчивого развития, включая научные, общественные, политические и другие аспекты, в большей части формируются в контексте биосферного подхода. Вместе с тем инструменты, позволяющие оценивать прогресс в продвижении к намеченным целям именно в этом контексте, на сегодняшний день отсутствуют. Такого рода инструментарий, с одной стороны, должен учитывать множество критериев, с другой – быть понятным для лиц, принимающих решения и при этом учитывать региональный уровень, поскольку истощение ресурсной базы планеты, как правило, начинается с локальных территорий, а несвоевременные или недостаточно серьезные меры по устранению возникающих проблем могут привести к негативным проявлениям на более обширных пространствах и даже иметь планетарные масштабы. Это

---

⁴ Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. ООН, 04 августа 1987 г. 412 с. [С. 24]. URL: <http://www.un.org/r/r/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 18.10.2022) .

актуализирует исследования, направленные на трансформацию теоретических понятий биосферного подхода в количественные измеряемые категории как ключевого фактора принятия решений на уровне региона. Целью данного исследования является разработка методики оценки сбалансированности развития регионов РФ на основе целей устойчивого развития.

Методы исследования

Определение устойчивого развития территорий, закрепленное в Градостроительном кодексе РФ, имеет в числе прочих и биосферный контекст: «обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений»⁵. Таким образом, социальные и экономические условия функционирования региона переплетены, с одной стороны, с глобальной экологической системой (биосферой), с другой – со сложной системой региональных, национальных и мировых зависимостей; следовательно, применяемый инструментарий должен быть способен оценивать обе стороны взаимодействия.

По нашему мнению, мониторинг реализации политики в области устойчивого развития региона можно осуществлять с помощью методики локализации глобальных целей устойчивого развития (ЦУР) до регионального уровня. Помимо сравнительной оценки достижения регионами национальных целей развития, интегрированных в ЦУР, данная методика хорошо встраивается в биосферный контекст: «Процесс ЦУР – это единственная и, вероятно, последняя возможность для стран мира договориться о новом видении человеческого процветания, которое признает комплексный и глобальный характер устойчивости Земли» [Rockström, Sukhdev, 2014].

Оценка достижения ЦУР регионами Приволжского и Уральского федеральных округов, а также сбалансированности их развития в контексте биосферного подхода включала несколько этапов.

---

⁵ Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ. Принят Государственной думой 22.12.2004 г. Одобрен Советом Федерации 24.12.2004 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.).

Первая часть исследования, касающаяся текущего положения дел в области достижения ЦУР, проводилась по методике, подробно описанной в статье 2022 г. [Алферова, 2022]. Прежде всего, были собраны статистические данные по показателям, доступным в региональной статистике и соответствующим национальным целям развития и глобальным ЦУР. В предыдущем исследовании их временные ряды составляли шесть лет, в настоящей работе для получения более надежных результатов они были увеличены до одиннадцати лет (2010–2020 гг.). На втором этапе производилась нормализация собранных данных относительно целевого значения. Далее рассчитывались групповые индексы по каждой ЦУР с использованием формулы средней арифметической. Они были взяты за основу расчета интегральных индексов, характеризующих уровень достижения ЦУР указанными регионами к 2020 г. (последнему, за который имеются открытые статистические данные). Оценка итоговых результатов осуществлялась по критериям, основанным на принципах интерпретации значений глобального Индекса ЦУР [Sachs et al., 2022. P. 62]: ниже 0,25 (крайне низкий); 0,25–0,5 (низкий); 0,5–0,75 (достаточный); 0,75 и выше (высокий).

Вторая часть исследования посвящена оценке сбалансированности развития регионов Приволжского и Уральского федеральных округов в рамках биосфероцентрической парадигмы. В основу методики была положена известная модель «концентрических слоев», или «свадебного торта» Карла Фолке, в которой 16 ЦУР распределены между социальной, экономической и экологической (био) сферами, а ЦУР 17 является интегрирующей⁶. Визуально модель состоит из трех слоев. Нижний слой имеет наибольший диаметр, отражая биосферу, над ней – социальный, который воплощает общество, и верхний слой с наименьшим диаметром – это экономика. Поскольку в данной модели экономика является подсистемой общества, а оно, в свою очередь, – подсистемой биосферы, особое внимание должно уделяться соотношению их масштаба [Folke et al., 2016], в отличие от моделей, где данные подсистемы имеют равное значение.

Для количественного измерения соотношения между указанными аспектами, с нашей точки зрения, вполне логично использовать

---

⁶ Рисунок. URL: <https://www.ecologyandsociety.org/vol21/iss3/art41/figure4.png> (дата обращения: 18.10.2022).

интегральные индексы, полученные на предыдущем этапе. В исходной модели [Folke et al., 2016] экономическую сферу характеризуют четыре ЦУР (8, 9, 10, 12), социальная сфера представлена восемью ЦУР (1, 2, 3, 4, 5, 7, 11, 16), экологическая – четырьмя (6, 13, 14, 15). Исходя из этого, были рассчитаны сводные индексы каждой из сфер по формуле средней арифметической.

Результаты исследования

Полученные на первом этапе значения интегральных индексов свидетельствуют о низком уровне достижения ЦУР 13 («борьба с изменением климата»), 16 и 17 (касающихся, соответственно, эффективности институтов и международного партнерства) большинством регионов Поволжья и Урала и крайне низком уровне достижения ЦУР 5 («гендерное равенство») всеми регионами (табл. 1). Следует подчеркнуть, что низкое значение данного показателя связано с составом индикаторов, включенных в стратегические планы развития РФ, и низкими фактическими значениями соответствующих показателей ЦУР в России к моменту разработки стратегических документов. На наш взгляд, включение в национальные цели развития наиболее проблемных сфер вполне закономерно. Также невысокими являются значения индексов по ЦУР 3, 7 и 9, касающихся здоровья, чистой энергетики и технологического развития. Наиболее высокие значения имеют индексы по ЦУР 2 («ликвидация голода») во всех исследуемых регионах.

Довольно высокие результаты достигнуты по ЦУР 6 («чистая вода и санитария») и ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»). Важно пояснить, что такие результаты могут быть обусловлены рядом причин. Во-первых, «достижимость» целевого показателя во многом зависит от его величины – чем она ниже, тем проще достичь цели. Во-вторых, интегральный индекс будет выше, если хотя бы один из составляющих его показателей имеет достаточно высокий уровень при отставании остальных. В-третьих, все показатели, формирующие индекс, могут иметь высокие значения (к примеру, в ЦУР 6 («чистая вода»)). Наконец, если целевой показатель отсутствует в национальных стратегических документах, «целевые значения устанавливаются как среднее значение из трех наибольших, если большее значение характеризует большую результативность, и как среднее из трех наименьших, если большую результативность определяет меньшее

значение» [Алферова, 2022]. Таким образом, степень достижения будет высокой, если регионы однородны по уровню оцениваемого показателя, как, например, в ЦУР 10 («сокращение неравенства»).

Отраженная в таблице система характеризует текущую степень достижения показателей, закрепленных в национальных стратегических документах развития РФ, позволяет проводить межрегиональные сравнения и дополняет системы региональных рейтингов, а также служит основой для оценки качества управления программами и проектами развития регионов РФ. Это помогает скорректировать усилия по достижению ЦУР, правильно распределить ресурсы, обратить внимание на проблемные области и т.д. Вместе с тем принятие Повестки дня на 2030 г.⁷, утвердившей ЦУР как новую форму глобального управления, с одной стороны, нацелено на преобразование институтов управления всех уровней для повышения их эффективности, подотчетности и прозрачности, с другой – реализует принцип управления «сверху вниз». Это означает, что при принятии управленческих решений существует риск возникновения некоего набора целей, которые живут своей собственной изолированной жизнью, тогда как на самом деле они тесно взаимосвязаны [Rockström, Sukhdev, 2014; Wojtor, Czippan, 2019]. В связи с этим необходимо рассматривать экологическую, социальную и экономическую сферу развития только во взаимной связи друг с другом.

В отчете Брундтланд «Наше общее будущее» внимание уделяется именно этим трем аспектам: экономическому, социальному и экологическому, однако им придается одинаковое значение или они рассматриваются обособленно, например, экологическая устойчивость или устойчивый экономический рост. И это вступает в некоторое противоречие с концепцией доклада, в котором все ключевые идеи изложены в контексте биосферной парадигмы. На наш взгляд, в этом случае и устойчивое развитие необходимо оценивать в этой же парадигме.

---

⁷ Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

Таблица 1. Значения индексов достижения ЦУР к 2020 г. *

Регион	ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 4	ЦУР 5	ЦУР 6	ЦУР 7	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 11	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 15	ЦУР 16	ЦУР 17
	Ликвидация нищеты	Ликвидация голода	Хорошее здоровье и благополучие для всех	Качественное образование	Гендерное равенство	Чистая вода и санитария	Недорогая и чистая энергия	Достойная работа и экономический рост	Индустриализация, инновации и инфраструктура	Сокращение неравенства внутри стран и между ними	Устойчивые города и населенные пункты	Ответственное потребление и производство	Борьба с изменением климата	Сохранение экосистем суши	Мир, правосудие и эффективные институты	Партнерство в интересах устойчивого развития
Республика Башкортостан	0,61	0,95	0,57	0,67	0,18	0,57	0,58	0,62	0,53	0,68	0,64	0,24	0,45	0,87	0,58	0,30
Республика Марий Эл	0,61	0,96	0,61	0,68	0,07	0,90	0,54	0,66	0,45	0,82	0,46	0,34	0,17	0,80	0,36	0,24
Республика Мордовия	0,59	0,96	0,61	0,71	0,19	0,89	0,58	0,72	0,59	0,88	0,55	0,41	0,36	0,80	0,41	0,25
Республика Татарстан	0,63	0,96	0,62	0,74	0,05	0,62	0,57	0,71	0,68	0,70	0,60	0,37	0,35	0,70	0,53	0,37
Удмуртская Республика	0,65	0,96	0,58	0,71	0,10	0,96	0,51	0,68	0,51	0,86	0,59	0,34	0,23	0,92	0,32	0,30

Чувашская Республика	0,63	0,96	0,63	0,71	0,11	0,91	0,56	0,64	0,62	0,92	0,55	0,35	0,23	0,90	0,46	0,26
Пермский край	0,65	0,95	0,52	0,68	0,06	0,60	0,53	0,66	0,54	0,69	0,60	0,26	0,36	0,82	0,26	0,35
Кировская область	0,61	0,96	0,59	0,65	0,06	0,67	0,55	0,67	0,41	0,92	0,52	0,37	0,55	0,91	0,36	0,25
Нижегородская область	0,66	0,96	0,56	0,70	0,06	0,93	0,55	0,71	0,59	0,74	0,63	0,28	0,31	0,88	0,34	0,31
Оренбургская область	0,61	0,95	0,56	0,69	0,05	0,59	0,53	0,65	0,44	0,80	0,46	0,21	0,33	0,71	0,38	0,32
Пензенская область	0,59	0,96	0,55	0,64	0,09	0,63	0,57	0,67	0,61	0,85	0,64	0,21	0,37	0,85	0,46	0,27
Самарская область	0,64	0,95	0,54	0,70	0,08	0,53	0,53	0,71	0,63	0,71	0,55	0,30	0,43	0,87	0,32	0,33
Саратовская область	0,67	0,96	0,56	0,69	0,20	0,80	0,55	0,65	0,45	0,84	0,58	0,54	0,30	0,88	0,43	0,27
Ульяновская область	0,70	0,95	0,52	0,66	0,16	0,92	0,54	0,67	0,59	0,84	0,55	0,24	0,28	0,86	0,44	0,26
Курганская область	0,71	0,93	0,48	0,64	0,17	0,75	0,55	0,59	0,40	0,84	0,55	0,26	0,22	0,84	0,27	0,26
Свердловская область	0,70	0,96	0,52	0,74	0,12	0,58	0,55	0,66	0,55	0,68	0,58	0,36	0,50	0,90	0,31	0,37
Томская область без а/о	0,59	0,95	0,56	0,75	0,07	0,92	0,55	0,63	0,47	0,75	0,61	0,40	0,17	0,88	0,33	0,60
Челябинская область	0,64	0,95	0,51	0,73	0,06	0,53	0,55	0,63	0,55	0,84	0,63	0,39	0,54	0,85	0,29	0,31

Источник табл. 1,2. Составлено автором.

Примечание. * ЦУР 14 не включена в исследование из-за отсутствия показателей, характеризующих «Сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов в целях устойчивого развития» в регионах Приволжского и Уральского федеральных округов.

Поскольку биосфера – это глобальная экологическая система, объединяющая все живые организмы и их взаимоотношения, а также их динамическое взаимодействие с атмосферой, круговоротом воды, биогеохимическими циклами и динамикой земной системы в целом [Lenton, 2016] с точки зрения биосфероцентрической парадигмы социум и экономика могут процветать только в пределах несущей способности биосферы. В Национальной стратегии сохранения биоразнообразия России также отмечено, что «социально-экономические механизмы должны учитывать иерархическую структуру биосистем и соответствовать пространственным масштабам объектов сохранения – популяций, видов, сообществ, экосистем и их территориальных комплексов»⁸.

Таким образом, в рамках подхода к оценке устойчивого развития региональных систем, основанного на модели К. Фолке, управление устойчивым развитием региона можно считать сбалансированным, если величина сводных индексов ЦУР (табл. 2) будет соответствовать соотношению: $I_{экон} \leq I_{соц} \leq I_{био}$. Нарушение данного соотношения свидетельствует о перекосе в реализации мер регионального управления в ту или иную сторону. Следует уточнить, что определение масштаба между сферами является прерогативой региональных органов управления, исходя из реального положения дел в регионе, уровня его экономического развития, наиболее насущных проблем или стоящих перед ним целей.

Из таблицы видно, что во всех без исключения регионах Приволжского и Уральского федеральных округов экономическая сфера преобладает над социальной и экологической. Это говорит о том, что из всех показателей, определенных Указом Президента РФ № 474 от 20.07.2020 г. «О национальных приоритетах развития Российской Федерации на период до 2030 года», в качестве целевых региональные и национальные власти сосредоточились на достижении экономических. Почти повсеместно уровень их достижения превышает 0,75 (табл. 1, 2), исключение составляют Республика Башкортостан (0,69) и Пермский край (0,72). Степень достижения экологических показателей заметно ниже,

---

⁸ Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. Принята на Национальном Форуме по сохранению биоразнообразия 5 июня 2001 г. С. 108.

хотя и является достаточной (от 0,54 до 0,71). Самые же низкие значения (от 0,53 до 0,6) имеют показатели, характеризующие социальную сферу. Отчасти это объясняется тем, что данная сфера представлена наибольшим числом ЦУР, а они, в свою очередь, включают множество показателей, отражающих самые проблемные области. Одна только, например, ЦУР 5 («гендерное равенство»), имеющая самые низкие значения, заметно «тянет вниз» всю социальную сферу.

Таблица 2. Объединенные индексы ЦУР сферы устойчивого развития

Регион	Экономическая	Социальная	Экологическая	ЦУР 17 (интегрирующая)
	ЦУР 8,9,10,12	ЦУР 1,2,3,4,5,7,11,16	ЦУР 6,13,15	
	<i>I_{экон}</i>	<i>I_{соц}</i>	<i>I_{био}</i>	
Республика Башкортостан	0,69	0,60	0,63	0,30
Республика Марий Эл	0,76	0,54	0,62	0,24
Республика Мордовия	0,87	0,58	0,68	0,25
Республика Татарстан	0,82	0,59	0,56	0,37
Удмуртская Республика	0,79	0,55	0,70	0,59
Чувашская Республика	0,84	0,58	0,68	0,26
Пермский край	0,72	0,53	0,59	0,35
Кировская область	0,79	0,54	0,71	0,25
Нижегородская область	0,77	0,56	0,71	0,31
Оренбургская область	0,70	0,53	0,54	0,32
Пензенская область	0,78	0,56	0,62	0,27
Самарская область	0,78	0,54	0,61	0,33
Саратовская область	0,83	0,58	0,66	0,27
Ульяновская область	0,78	0,57	0,69	0,26
Курганская область	0,70	0,54	0,60	0,26
Свердловская область	0,75	0,56	0,66	0,37
Тюменская область без а/о	0,75	0,55	0,66	0,60
Челябинская область	0,80	0,54	0,64	0,31

Следует обратить внимание на низкие значения показателей по ЦУР 17 («глобальное партнерство»), которая очень сложно поддается локализации до регионального уровня из-за отсутствия необходимых статистических данных в разрезе регионов. Между тем ее важность особо подчеркивается ООН: «Успешная реализация повестки дня в области устойчивого развития невозможна без налаживания на глобальном, *региональном и местном* уровнях всеохватывающих партнерских отношений, построенных на принципах и ценностях, общем видении и общих целях, ориентированных на удовлетворение интересов людей и планеты»⁹.

Индекс по данной ЦУР для России определяется следующими показателями: Доля национального бюджета, формируемая внутренними налогами; Чистый объем официальной помощи в целях развития в процентном отношении к ВВП доноров-членов Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); Долларовый объем финансовой и технической помощи развивающимся странам; Доля развивающихся стран и наименее развитых стран в экспорте, импорте Российской Федерации; ВВП в единой валюте на душу населения (по паритету покупательной способности); ВРП на душу населения; Доля населения, пользующегося информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет». Как правило, в регионах Приволжского и Уральского федеральных округов показатели, отражающие глобальное сотрудничество, имеют низкие значения, что и влияет на величину интегрально индекса.

В целом, по нашему мнению, рассматриваемая методика способна оценивать и качество управления устойчивым развитием региона, и сбалансированность развития в контексте биосферного подхода. По мнению К. Фолке, биосферный подход – это не глобальный подход «сверху вниз» и не исключительно подход «снизу вверх». Это процесс, вовлекающий людей в сотрудничество на разных уровнях и в разных масштабах, с общим видением, надлежащими институтами, постоянным обучением, изменениями, адаптацией и трансформацией [Folke et al., 2016]. Следовательно, необходимо уделять пристальное

---

⁹ Официальный сайт ООН. Цели устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 02.11.2022).

внимание созданию структур и институтов, способных реализовать данный подход, создавать адаптированные методы оценки и управления.

Заключение

Парадигма развития в гармонии с биосферой становится все более популярной и практико-ориентированной. Благополучие человечества в различных его проявлениях, таких как качество жизни, свобода выбора, личная безопасность, возможность удовлетворять материальные потребности и многое другое, в конечном счете зависит от возможностей биосферы. Являясь системой глобального масштаба, биосфера состоит из менее крупных подсистем, которые тем не менее определяют ее функционирование. Речь идет о региональных социо-эколого-экономических комплексах, благополучие и сбалансированность развития которых влияют на развитие национальных и глобальных систем.

Все это требует пересмотра подходов к управлению регионами. Как подчеркивается в Национальной Стратегии сохранения биоразнообразия России, «использование социально-экономических механизмов и принятие управленческих решений должны базироваться на принципе оптимизации отношений природной и социально-экономической подсистем, основанного на признании невозможности устойчивого существования любой из них при деградации другой¹⁰.

Результаты исследований показывают, что в большинстве регионов Приволжского и Уральского федеральных округов наблюдается низкий уровень достижения ЦУР 5, 13, 16, 17. Также невысокими являются значения индексов ЦУР 3, 7 и 9. Довольно высокие значения имеют только три индекса по ЦУР 2, 6 и 10.

Отмечается дисбаланс между экономической, социальной и экологической сферами. Практически во всех регионах наибольшее внимание уделяется экономическому росту, наименьшее – социальной сфере. В целом можно отметить, что функционирование исследуемых регионов имеет скорее экономико-экологическую направленность, при этом предпочтение

---

¹⁰ Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. Принята на Национальном Форуме по сохранению биоразнообразия 5 июня 2001 г. С. 108.

отдается все-таки экономике. Нельзя не отметить низкие значения показателей по ЦУР 17, в то время как ее интегрирующая роль должна служить поиску новых способов экономического роста, социальной организации и сохранения биосферы.

Все это говорит о недостаточном внимании к работе структур и институтов, занимающихся выработкой и контролем реализации решений по управлению устойчивым развитием регионов.

Литература/References

Алферова Т.В. Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов // ЭКО. 2022. № 10. С. 148–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167

Alferova, T.V. (2022). Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts. *ECO*. No. 10. Pp. 148–167. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167

Осипова М.Ю. Теория и методология исследования устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2014. № 25. С. 81–88.

Osipova, M. Yu. (2014) Theory and methodology of research of sustainable development of socioeconomic systems. *Bulletin of the PNRPU. Socio-economic sciences*. No. 4 (25). Pp. 81–88. (In Russ.).

Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: пути практического использования // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 25–39. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.2

Tikhonova, T.V. (2019). Ecosystem services: ways of their practical application. *Problems of Territory's Development*. No. 1 (99). Pp. 25–39. (In Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.2

Черданцев В.А., Робинсон Б.В. Современные концепции устойчивого развития // Вестник НГУЭУ. 2009. № 2. С. 14–24.

Cherdantsev, V.A., Robinson, B.V. (2009). Modern Concepts of Sustainable Development. *Vestnik NSUEM*. No. 2. Pp. 14–24. (In Russ.).

Шкиперова Г.Т., Курило А.Е. Оценка устойчивости региональных социально-эколого-экономических систем // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 1. С. 47–61. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-1-47-61

Shkiperova G.T., Kurilo A.E. (2021). Assessment of the sustainability of regional socio-ecological-economic systems. *Market economy problems*. No. 1. – Pp. 47-61. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-1-47-61> (In Russ).

Bergh, J.C.J.M. van den. (2000). *Ecological Economics: Themes, Approaches, and Differences with Environmental Economics January Regional Environmental Change 2(00-080/3)*. 25p. DOI:10.1007/s101130000020

Bojtor, A., Czippán, K. (2019). *The Synergies of the Sustainable Development Goals and the Good State and Governance Report in Hungary*. Available at: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/thesynergies-bojtor.pdf (accessed 18.10.2022).

Costanza, R., Daly, H.E. (1992). Natural Capital and Sustainable Development. *Conservation Biology*. Vol. 6. No. 1. Pp. 37–46.

Dotsenko, E.Y., Ezdina, N.P., Khasanova, A. Sh., Khasanov, M.I. (2021). *Modern paradigms of Sustainable Development: Advantages and Disadvantages*. E3S Web Conf. International Conference on Efficient Production and Processing (ICEPP-2021) Vol. 247. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124701069> (accessed 10.10.2022).

Folke, C., Biggs, R., Norström, A.V., Reyers, B., Rockström, J. (2016). Social-ecological resilience and bio-sphere-based sustainability science. *Ecology and Society*. No. 21(3):41. Available at: <http://dx.doi.org/10.5751/ES-08748-210341> (accessed 20.04.2022).

Lenton, T.M. (2016). *Earth system science: a very short introduction*. Oxford University Press, Oxford, UK. 176p. Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/actrade/9780198718871.001.0001> (accessed 15.10.2022).

Martinez-Alier, J. (2018). *Ecological Economics*. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, entry 91008. Available at: http://ecoeco.org.br/wp-content/uploads/2018/09/alier_economia_ecologica-1.pdf (accessed 01.11.2022).

Martinez-Alier J., Munda, G., O'Neill, J. (1998). Weak comparability of values as a foundation for ecological economics. *Ecological Economics*. No. 26. Pp. 277–286.

Munda, G., Nijkamp, P., Rietveld, P. (1994). Qualitative multi-criteria evaluation for environmental management. *Ecological Economics*. No. 10. Pp. 97–112.

Rockström J., Sukhdev P. From MDGs to SDGs: Transition to a Development paradigm of human prosperity within a safe operating space on Earth. Input to 11th Session of the UN OWG. 30th April 2014. Pp.1-10.

Sachs, J., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. (2022). *Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond*. Includes the SDG Index and Dashboards. Cambridge University Press. 494 p. Available at: <https://dashboards.sdgindex.org/> (accessed 04.08.2022).

Статья поступила 09.11.2022

Статья принята к публикации 12.11.2022

Для цитирования: Алферова Т.В. Оценка сбалансированности развития регионов на основе Целей устойчивого развития // ЭКО. 2023. № 4. С. 8–24. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-8-24

Информация об авторе

Алферова Татьяна Викторовна (Пермь) – кандидат экономических наук. Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: talferova68@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4961-0435; Researcher ID: P-4224-2017

Summary

T.V. Alferova

Assessing the Balance of Regional Development Against the Sustainable Development Goals

Abstract. The study is devoted to testing the methodology for assessing the balance of regional development on the basis of the Sustainable Development Goals. The SDG indices obtained for the regions of the Urals and Volga Federal Districts showed a low level of achievement of target values in almost all regions. In addition, we discovered the predominance of the development of the economic sphere over the social and environmental. This suggests that these regions pay the most attention to economic growth, which does not correspond to the principles of the biosphere-centric paradigm. The low value of the index on SDG 17 indicates insufficient attention to the institutions of governance, which leads to the current situation.

Keywords: *sustainable development; sustainable development goals; SDGs; region; biosphere; balance; Ural Federal District; Volga Federal District*

For citation: Alferova, T.V. (2023). Assessing the Balance of Regional Development Against the Sustainable Development Goals. *ECO*. No. 4. Pp. 8–24. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-8-24

Information about the author

Alferova, Tatiana Viktorovna (Perm) – Candidate of Economic Sciences. Perm State University. E-mail: talferova68@mail.ru; ORCID: 0000–0003–4961–0435; Researcher ID: P-4224–2017